

Захваткин Руслан (Ровный)

Ровный - это творческий псевдоним. 45 лет. Стихи пишу с 16 лет. К сожалению, я не профессиональный литератор, а всего лишь любитель, но творческий процесс создания литературного произведения захватывает меня целиком и не отпускает ни на миг. Посещал литературный клуб "Литературный чердак" в лит. институте им. Горького в Москве, работал внештатным корреспондентом в газете "Горняцкая смена" в Московском Горном университете, который и закончил по специальности Экономика предприятия горной отрасли. Веду страницы в литературной соц. сети Стихи.ру и Проза.ру с 2012 года. Пишу стихи и прозу. Последнее время более стихи, поскольку мне нравится ритм и я считаю, что формат стиха в наш век рациональнее передаёт дух произведения, замысел автора, раскрывает сюжетную линию, наполняя её изящной словесностью. Википедия - моя Муза. Я рифмую её энциклопедические выкладки на интересующие меня темы. По сути я не поэт, конечно, а рифмователь, стихотворец. Написал более 350 произведений в стихах, в том числе более десятка поэм на разную тематику.

Художнику Николаю Владиславовичу Бессонову (1962 - 2017) посвящаю

Поэма приурочена к 780-летию катарской трагедии в Монсегюре 16 марта 1244 года

1

У пог, где крепость Монсегюр,
Пасла дочь серва Амальюр
Овечек раннею весной
На склонах с первою травой.

Отец её был слишком стар,
Пастух маркизовских отар.
Немало на своём веку
Невзгод досталось старику.

Давным-давно он был виллан
Из басков в землях Лабурдан,
Но, феодалом разорён,
Стал сервом в Лангедоке он.

Семья покинула Гиень,
Долину баскских деревень,
Чей герцог был Плантагенет,
Король английский десять лет.

Бежали от его узды
К тулузским графам, чьи кресты
Воздали беженцам сполна –
Шла альбигойская война.

Лилась в Тулузском графстве кровь,
Костры вились еретиков
И жертв невинная душа
Не стоила там ни гроша.

Бежать в Кастилию, в Гасконь?
Отец бессильно сжал ладонь.
Семья обузою была,
Голодных ртов на два стола.

В Тулузском графстве он, осев,
Был продан за долги, как серв,
А с ним и вся его семья,
Ни в чём кормильца не вина.

У сервов подневольный труд.
Они не в радости живут.
Им нечего от жизни ждать.
Свободны только умирать.

Так стала баскская семья
Для будущего бытия

Питать надежды не в труде,
А в Боге, даже в колдовстве.

Семья Амаль была большой,
С отцом, кормильцем и душой,
И матерью, чья красота
Давно увяла от труда.

Её трёх братьев феодал
К работам в крепости забрал,
А повзрослевших пять сестёр
Уже покинули их двор

И бремя добрых матерей
Тянули средь своих детей.
Их замуж выдали давно,
Надев чужих забот ярмо.

Мать Амальюр Лирэйн была
Знахарка, травница села.
Варила зелья и отвар
Для тех, кто молод и кто стар.

К ней приходили погадать
И духов предков навещать.
И повивальные дела
В округе всей она вела.

Как покидала утром дом,
Не запирала двери в нём,
А всем соседям и гостям
Так сообщала, что не там -

Метлу втыкала в дымоход,
Обозначая свой уход.
Таков соседям был ответ,
Что в хижине хозяйки нет.

А средь селян молва пошла,
Что это ведьмина метла,
На ней, как гаснет небосвод,
Взлетает через дымоход

Соседка их, что лечит хворь,
И по ночам до самых зорь
По деревням ворует скот,
Детей, что мать не бережёт.

"Brueissa" звал её народ
За магию и приворот
И, если не было нужды,
Держался с нею стороны.

Лирэйн боялось всё село,
Но врачеванья ремесло
Снимало страхи с колдовства
Во дни недугов торжества.

Качая люльку с Амали,
Ей колыбельные свои,
Пугая ведьминой метлой,
Она певала под свечой.

"Тех деток, ночью кто не спят,
Sorgina жарят и едят.
Они крадут таких детей,
Когда летят на бал чертей.

Шпи, ангелочек мой родной.
Я буду рядышком с тобой
И песенку тебе спою,
Как моё Солнышко люблю."

Амаль свою любила мать.
А та водила собирать
Её целебную траву
С росой в ночную синеву.

Она полынь плела в венок,
Какой быть оберегом мог
И охранял рогатый скот,
Давал злым духам отворот.

Рвала пучки душистых трав,
В льняной мешочек их собрав,
Вязала ладанки-саше
От сглаза, камня на душе.

Лаванда, мята, зверобой
Собрали вместе запах свой
В цветов лекарственный букет,
Что от болезней всех рецепт.

Водила мать меньшую дочь,
За травами по лугу в ночь
И там учила с малых лет,
Как собирать полезный цвет.

"Вот белладонна иль паслён.
Виденья вызывает он.
А amanita-мухомор,
Отравой служит с давних пор.

Грибы с травой в один котёл
Кладут и варят с ядом пчёл,
Залив болотною водой.
Когда остынет тот настой,

Его ещё раз кипятят,
Змеиный добавляют яд
И кожу от древесных квакш.
Такое зелье вводит в раж".

Лирэйн сама варила мазь.
И, раздеваний не стыдись,
Как мазью тело натирать,
Учила дочь колдунья-мать.

"Вот так *Sorgina* варят мазь.
Как густотой она взялась,
Ты пенку с варева сними.
Сильней нет снадобья любви.

Вот мандрагора, маглуар.
В ней тайна приворотных чар.
Не в цвете, в корне сила в ней.
Дурными делает людей.

Умело ей распорядись,
Чтоб лучше стала чья-то жизнь.
Иначе навлекает грех
Та *magloire* на неумех.

Ведь это ведьмовский цветок,
Что будоражит крови ток.
В нём запах серы, что гниёт,
Бьёт в нос, а в сердце - приворот".

Петлю накинув на щенка,
С узлом верёвки у вершка
Лирэйн тянула корешки
И вылезали из земли

Уродцы, формою своей
Напоминавшие людей.
Вот вышел белый корнеплод,
С мужским достоинством урод.

"То неприкрытый человек,
Что уязвим для бед и нег.
Достаточно воткнуть иглу
И чья-то жизнь уйдёт во мглу".

Горит восторгом юный взор
И корнеплоды мандрагор
Сжимает детская рука
Дитя семейства ведьмака.

Так подрастала Амальюр
В селе у замка Монсегюр
И материно колдовство
Учила, словно ремесло.

2
Когда в полях была страда,
Баск гнал господские стада
На пиренейские луга,
Где, как барашки, облака,

И мирно там овечек пас,
Как сторож, не смыкая глаз.
А дочь, какую брал с собой,
Вела овец на водопой.

Однажды позднею весной,
Вздremнув в тени в полдневный зной,
Пастух овцу не доглядел.
Её волк-оборотень съел.

На то маркиз рассвирепел
И серва выпороть велел,
И штрафа наложил оброк,
Какой тем не был собран в срок.

Сеньор за это, не шутя,
Отнял у бедняка дитя
Жене и дочери служить
И в замке средь служанок жить.

Так в старом замке Монсегюр
Служанкой стала Амальюр
И за пропавшую овцу
Собою помогла отцу.

Маркизе Корбе де Перейль
Она готовила постель,
Усердно день и ночь служа,
Красивее, чем госпожа.

Она возрастала, дав обет
Свободной стать в шестнадцать лет.
Но быть свободной не могла,
Не зная своего угла.

Её расцветшую красу
Хозяин как-то раз в лесу
За сбором ягоды узрел,
Увидев, тут же обомлел.

К себе служанку он позвал
Сбивать перину одеял
И, чтоб она пришла одна
И не прознала то жена.

Но Корба ревностно следить
Привыкла, зная мужа прыть,
И переводит Амальюр
Ощипывать на кухню кур.

Среди котлов и казанов
Чумазую с охапкой дров
От мужа спрятать поскорей
И замуж выдать без затей.

Жених ей найден в скорый срок,
Тщедушен, немощен, убог,
Наследством обделённый сын
Иль сам изгнанник-дворянин,

Кто от невесты стороны
Искал приданого жены,
И равнодушен был к молве
Жениться рад и на вдове.

Ему готова заплатить,
Чтоб с крепостною брак свершить,
Маркиза, но скупой файдит
На крепостную не глядит.

Что ж, вариант есть про запас.
Помолвлен с девой свинопас.
Злорадством сводница полна,
Как похоть ею отмщена.

Сеньор узнал такой пассаж
И талью ждёт за формарьяж.
Сбор за помолвку дочерей
Отцы готовят с первых дней.

Тут бы истории конец.
Её готовят под венец.
Но дева, видя жениха,
Не хочет от него греха.

К ней вожделеющий сеньор
Был на свои желанья скор.
Ему б замаливать грехи
В его деяниях лихих...

В старинном замке возле гор
Безбожником жил тот сеньор,
Творя разврат который год,
Как червь точил запретный плод.

Он был жесток и часто, пьян,
В набегах обирал крестьян,
В своих угодьях был, как Бог,
Вершить, всё что угодно, мог.

За ним борзая свора слуг
Неслась, господский чтя досуг,
Чтоб грабить сельское жильё,
Топтать крестьянское жнивье,

Творить насилие и блуд,
Верша несправедливый суд.
Той платой верность покупал
Своих вассалов феодал.

Крестьяне прятались в лесах.
Их гнал из дома дикий страх,
Как благородный сюзерен
Со свитой объезжал свой лен.

В том войске из сорвиголов
Был каждый смерд всегда готов,
Как пёс, маркизову врагу
Вцепиться в глотку на бегу.

Маркиз был знатный господин.
Как окситанский дворянин
Он требует к себе почёт
По праву первой ночи ждёт.

И объявляет Амали:
«Я здесь хозяин всей земли
И всё, что здесь растёт, бежит, -
По праву мне принадлежит.

Тут всё моё: поля, леса,
Чего топор или коса
Коснётся, зверь среди дерев
И девственность крестьянских дев.

Невеста каждая должна
Ко мне прийти и быть нежна,
Ночь свадьбы проведя со мной.
Тогда лишь может быть женой».

В ответ служанка говорит,
Являя неприступный вид,
И от волнения горит
Румянец у её ланит.

«Ни вам наложницей простой,
Ни свинопасу быть женой
Я не хочу, уж лучше смерть,
Чем ваши похоти терпеть!»

«Ах, непокорная раба!
Ты ждёшь позорного столба?!
Я прикажу тебя пороть,
Обезобразив твою плоть!»

В ответ смирения поклон
И Черноликих взгляд Мадонн.
«Служу сеньору моему
И истязания приму».

Маркиз смягчился.
Кротость слуг
Ему была милее мук,
Какие он им доставлял
Как полновластный феодал.

«Пойми, глупышка Амальюр,
Я научу тебя l'amour.
Ведь в деве девственность – цветок,
Не всяк сорвать её знаток.

Ты кровь невинности прольёшь,
Чтоб испытать блаженства дрожь.
Хочу я в свадебную ночь
Стать женщиной тебе помочь».

«Я дочь свободных баскских гор
И не продам любовь, сеньор.
Вы можете меня убить,
Но не заставьте любить!»

Над телом вы мой господин,
Но не воспользуетесь им.
Скорей убью себя ножом,
Чем вам достанусь нагишом!»

«Послушай, гордая Амаль,
Тебе родителей не жаль?
Взгляни на их тяжёлый труд –
С утра до ночи спины гнут,

Перебиваются в нужде,
Бедны в одежде и еде.
Твоею платой красоты
Я их спасу от нищеты.

Ведь я ваш добрый господин,
Почти доживший до седин,
Уже ли вам желаю зла?
Коль будешь ты со мной мила,

Я одарю твою семью,
Налог уменьшу, отменю!
А коль бастарда мне родишь,
Дам золота за твой prestige».

«Нет! Maitasuna не продам!
В любви не покорюсь я вам.
В отказе нет моей вины,
Но вы убить меня вольны».

«Неукротимая, ступай.
Наступит скоро месяц май,
На свадьбу откуп мне готовь
Или прольётся чья-то кровь!»

«Молю вас – не губить семью!
Вину свою я искуплю!
Приду в назначенный мне час,
Чтоб развлекать собою вас».

Она ушла и ей в ответ
Маркиз глядит с тоской вослед
И заглушает зов в крови
В давно постылой им любви.

«Ну что им нужно, Бог ты мой!
У каждой за ночь золотой,
Но каждую с мольбой, в слезах
В мою постель толкает страх.

Ну хоть одна б сама дала,
Наследника мне родила...
Ужель её бы не любил
Да пожалел и средств, и сил?!

Неужто я для них урод,
Страшнее жениховых морд?
Мозги хоть есть у этих баб?
Не больше камышовых жаб!»

Вся сеньоральная семья
Искала смысл бытия,
Кто в праведности, кто в вине –
В обрядах Богу, сатане.

Главой семьи была гран-мер,
Оплот изысканных манер,
Маркезия Унод Лантар –
Раздутый в пышном платье шар.

Её боялся зять маркиз
И исполнял любой каприз.
И добавлял: «Bonjour, madame»
К немолодым её годам.

Двух замуж выдав дочерей,
Он разрешал жене своей
Меньшую баловать всюю
И сам с ней разводил «сюсю».

У Эсклармонды де Перейль
Отсутствовала в жизни цель.
Учиться, замуж выходить -
Всё не могла она решить.

В Парижский университет,
Сказали, мест для женщин нет.
Ну а Бетгисии пример -
Скопление дурных манер

Дочь Корбы, мадемуазель
Как Эсклармонда де Перейль
Была представлена Амаль,
Прознала про Святой Грааль,

Прочтя Кретьена де Труа
Красивый рыцарский роман,
В каком о чаше речь идёт,
Что исцеление даёт.

И чтоб ту чашу получить,
Отца спешит она просить
Послать гонца в Иерусалим
И, коль найдётся пилигрим,

Способный чашу отыскать,
Тому она согласие дать
Готова сердца и руки
Любым преградам вопреки.

И леди с горничной своей
Об этом в сумраке ночей
Делилась, как в кругу особ,
Даря свой старый гардероб.

И впечатлительной Амаль
Свой снился рыцарь Персиваль,
Въезжавший на коне на мост
В нашлемнике – павлиний хвост.

Оруженосец рядом с ним.
Его красивый господин
Глядит на горничных, внизу
Бельё стирающих во рву.

И в сновиденьях Амали
Кружилась в танце до зари
С тем кавалером на балах,
Вся в пелерины кружевах.

Пастушка в грёзах о любви
Выдумывала визави,
Чтоб был и рыцарь, и поэт,
Какого в целом мире нет.

В её мечтаниях герой
Был молод и хорош собой,
К тому же знатен и богат.
Таким всегда благоволят.

Он ждал её в полдневный зной
И целовал в тени лесной.
В своих фантазиях она
Тем не бывала смущена.

Любовник нежный молодой
Шептал ей: "Будь всегда со мной".
И её влажные уста
В ответ ему шептали "да".

«Люби меня, мой господин!
Ты в сердце у меня один.
Я всю себя тебе дарю!»
И от желания горю!

Ласкай меня, мой милый друг!
Твоей послушна воле рук,
Я млею в нежности к тебе
На ложе – страсти алтаре!»

Но грёзы, как и ночи дым,
Уходят, уносимы им.
Звук колыбельных певчих птиц
Сменился трелями зарниц.

И вот приходит свадьбы день.
Из всех окрестных деревень
Прийти собирается народ
Встречать невесту у ворот.

И вот уж выход молодой
Сияет с первою звездой.
Таинственный печальный взгляд
И баскский свадебный наряд.

На ней баскина с полосой,
С оборкой чёрной кружевной,
На голове birukoak -
Рогатый тканевый колпак.

Ведома строгою роднёй,
Она кивает головой,
Нравоучения приняв
И маму с папою обняв.

Её не замуж выдают,
А на закланье ведут
К маркизу в замок, в поздний час,
Чтоб стал ей мужем свинопас.

«Запомни, дочь», - сказал отец:
«У басков свадебный венец
Всегда свободный, по любви!
Мы ohitura чтим свои!

Я, веря в этот идеал,
Тебя в честь родины назвал,
Хоть, покорённые судьбой,
Мы подневольные с тобой.

А этот гнусный ритуал,
Что назначает феодал,
Пройдёт, растает, словно лёд,
И рана в сердце заживёт.

Иди, не бойся срам и стыд.
Позор твой будет завтра смыт.
На утро станешь ты другой,
Но Бог всегда будет с тобой»!

Она легла на шкур топчан,
В комок зажат девичий стан.
Маркиз спешит её раздеть
И с вождельем оглядеть.

Амаль зажмурила глаза.
Блеснула жемчугом слеза,
Как, путаясь в траве густой,
В ресницы падая росой.

По стенам факелы горят
И освещают тот обряд,
Как обнажённая средь шкур
Свою ждёт участь Амальюр.

Над ней, раскинув кисти рук,
Маркиз вознёсся, как паук.
Своей чтоб жертвой обладать,
Как в сеть, попавшею в кровать.

Он страстно девушке шептал:
«Все, кем я раньше обладал,
С тобой сравниться б не смогли.
Ты всех прекрасней, Амали!

В тебе богини красота
И ароматные уста!
О, будь любовницей моей
И счастьем моих грешных дней!»

По телу девушки в руно
Стекает красное вино.
Любовник в ужасе остыл.
Угас его влеченья пыл.

«Нечистая сочится кровь!
Ты ведьма! И твоя любовь
Отравлена! Да ты, змея,
Чуть не ужалила меня!

Сосуд поганых нечистот!
Не дьяволу ли носишь плод?!»
Тут дева бросилась бежать,
Смяв в менструации кровать.

3
Глаза басконки молодой
Сверкают чёрною слюдой.
То блеск жемчужины таят,
То тьмы магический агат.

Созвучна юности весна.
К предназначению она
Зовёт томящуюся плоть,
Как души праведных Господь.

«Уж лучше, правда, ведьмой стать,
Коль суждено мне пропадать!», -
Подумала и в тот же миг
Мираж видения возник.

Туман её склонил ко сну
Лечь под алепшскую сосну
На покрывало павших хвой.
Над ней мечтаний кружит рой.

И вот девица видит сон.
Как будто тёмен небосклон.
И ночь под трессуаром звёзд
Своих волос укрыла хвост.

Амаль испачкалась в грязи
И, чтоб себя преобразить,
Во сне придумала, что грязь –
Не грязь, а колдовская мазь.

И вот она в отрогах гор
С метлой, какой мела весь двор.
И норовит её метла
Сложить из прутьев два крыла,

Конём подняться на дыбы,
То в пропасть прыгнуть с высоты,
То черенком оскалить пасть.
И Амальюр, чтоб не упасть,

Её зажала между ног.
И вот уже внизу отрог,
И горы мимо понеслись.
Так девушка взлетела ввысь.

Дубы с кудрявой головой
Ей с неба кажутся травой,
Как в шорохе полночных дрём,
Густым раскинулись ковром.

Предместья, хижины, дворцы.
Блестят глазурью изразцы,
Мигают, словно светлячки,
Иль колдовские огоньки.

А вот готический собор.
Мерцает витражей узор.
Высокий шпиль, на нём флерон
И над воротами балкон.

Плешивый ризничий в шале,
Увидев ведьму на метле,
Упал на испражненья коз,
Остатком поседев волос.

Она летит в родимый край,
Где грезится ей баскский рай.
Там предков древние следы
В наскальных росписях видны

В долине пастбищ Аралар,
Где обитает Сугаар,
Бог грома, баскский древний Змей,
Огнём пугающий людей.

Светловолосая Мари
В сиянье брезжившей зари
Там чешет волосы свои
В пещерах каменной земли.

Амаль летит в далёкий лес,
Где хороводы водит бес,
Шалит козлородый плут,
Зовёт вершить бесстыдный блуд,

Раздевшись вовсе до гола,
Пока заря не зацвела,
И все запреты отпустить
И в плясках вольности творить.

Прикрывшись листьями купав
Пойти в разнос ночных забав,
До одури и до пьяна
Плясать без усталости и сна.

Побыть ламиной водяной,
Сеньорой, знатной госпожой
И в праздной роли на балу
Хоть раз услышать похвалу.

На утро снова тяжкий гнёт
Задавит девушку хлопот,
Ну а пока душе легко
И до рассвета далеко.

Поляна, и горит костёр.
Из языков сплетя узор,
Взметнулось пламя до небес,
Весь обагрив дремучий лес.

На раскалённые дрова
Набросив в искрах кружева,
Огонь взбирается, как пёс,
Хрустит и гложет дикий тёс.

Вокруг снуёт лесной народ
И водит странный хоровод,
Алмазною росой блестит,
Нимф и сатиров корча вид.

Вот королева муравьёв
Велит рабам ей строить кров.
И следом шествует за ней
В крылатых бальных платьях фей

Толпа придворных знатных дам.
К своим рабочим муравьям
У каждой свой особый гнёт:
Та - жалит ядом, та – грызёт.

А вот оркестры саранчи,
Литаврщики и скрипачи
И хоры певчих теноров,
Скворцов, зарянок, соловьёв,

Грохочут, весело галдят,
Верша свой тембровый обряд,
И какофонией своей
Сзывают духов и зверей.

Вот жаба, прыгнув тяжело,
Упала в место, где тепло.
За ней виляет чёрный уж,
Как будто не едок, а муж.

Вот к ящерицам на поклон
Выходит земляной тритон,
А ворон, в чью-то кровь макнув,
Об олеандры чистит клюв.

Седой козёл пустился в пляс
И бородой смешно затряс
С ним ведьма старая с клюкой
Трясёт костлявою рукой.

Вот стайки голубых стрекоз,
Как фрейлины, в метёлках лоз,
Во фраке крыса-кастелян
Снуёт проворно среди лиан.

А там тарантул - сенешаль
Из нитей шёлковых вуаль
Мохнатой лапкою прядёт
И хелицерами скребёт.

Матёрый волк привёл волчат
И те напуганно рычат.
А старый хитрый вепрь-секач
С волчицею помчался вскач.

А вот с улыбкой до ушей
Летучих множество мышей
Стремит свой ломаный полёт
К костру, где кружит хоровод.

Там девушки собрались в круг.
И видит Амали подруг.
Среди них когда-то и она
Гулять ещё была вольна,

Ну а теперь отчуждена,
Глядит на них, тоски полна.
С сознанием, что обречена,
Её не радует весна.

У этих юных малефик
Прекрасен дивный лунный лик.
В ночи отринут страх и стыд
За свой так повзрослевший вид.

Недавно всех её подруг
За крепость звал шальной досуг
Купаться голыми в реке,
Дразня мальчишек вдалеке.

Вот силуэты трёх фигур
Мэйтеи, Лэйды, Амальюр
Плывут в тени лесных дубрав,
Чтоб искупаться среди купав.

Раздевшись быстро до камиз,
Они летят с обрыва вниз.
И слышен их девичий визг,
Русалок в перламутре брызг.

Но дальше сон её зовёт.
И дева входит в хоровод.
Круг рассыпается пред ней
Девиц бесстыжих и чертей.

Под пересвист пастушьих флейт
Танцуют девушки без лент
Копна распущенных волос,
Взметаясь, падает вразброс.

И, лишь в неё себя одев,
Летает каждая из дев
В безумстве плясок до утра,
Пылает в отблесках костра.

И ей не страшен тот огонь,
Что лижет, как щенок, ладонь
И не чета совсем тому,
Что пожирает ведьм в дыму,

Тех, кто прикованы к столбу
В цепях клянут свою судьбу.
Но здесь об участи такой
Не вспомнит дева под луной,

В весёлом баловстве наяд
Оставив свой дневной наряд.
И нет прекрасней существа,
Чем дева в чарах колдовства.

В зрачках кромешной черноты
Кипят все страсти и мечты.
И танец в вихрях куража,
Как пляс на кончике ножа.

Косарки в коттах без чепцов
Глядят на баскских молодцов,
А те, рыбацкий сняв дублет,
Им улыбаются в ответ.

Взошла луна. На шабаш-сон
Богинь любви слетелся сонм,
Чтоб всё живое пробудить
От сна влечением любить.

Вот Афродита в блеске чар,
Венера, Фрейя и Иштар.
Астарта, Лада, Тушоли
В венках, что круглый год цвели.

Туран, Ананса и Ошун
В наколках клинописных рун.
И Бастет взгляд кошачий свой
Укрыла тайной колдовской.

Ашеры ханаанский лик,
Как есть Мадонна базилик.
Дидоны финикийский плащ
С двумя нагрудниками чаш.

И карфагенская Тиннит,
И Асират из Угарит.
На них рогатый эскафьон.
Украшен жемчугами он.

А на служанках их барбетт.
В нём косы в выпуклый темплет
Закручены в бараний рог,
Чтоб дьявол любоваться мог.

Деркетто в рыбной чешуе
Со взглядом, что присуц змее,
Гипнотизирующим цель,
Как кунты дьявольская щель.

А вот и баскская Мари
В одеждах огненной зари.
Ей чешет гребнем золотым
Её волос лучистый дым

Ручная белка-фамильяр.
И платья красного пожар
Разлит оттенками огня
В сиянье будущего дня.

За каждой свита из пажей,
Амуров, нимф и ворожей.
Танцует, гимн любви поёт
Тот экзотический эскорт.

И вот все демоны любви
К басконке юной подошли,
С мольбою что на них глядит
И Афродите говорит:

- Богиня Юности, Любви!
Твой обнажённый стан обвит
Великой магией огня,
Что тянет всех к тебе, маня.

Возьми мою пустую жизнь,
Как соком ею насладись,
Но дай ты мне, молю, взамен,
Свободу от удушья стен!

Иль мужа, принца на коне,
Какой ночами снился мне.
Пусть я от ласк его сгорю
Иль стану жертвой алтарю»!

Богиня взором повела.
Из глаз сверкнувшая стрела
Пронзила сердце Амальюр.
Та вздрогнула, воскликнув: «Чур!»

Тут ветер страшный налетел
И лик луны побагровел.
И превратился сельский стан
В беснующихся балаган,

В каком исчез народ лесной.
Из ям, разбужены совой,
Встают фаланги мертвецов,
Кто похоронен без крестов:

Мошенник, сваренный в котле,
Разбойники на колесе,
Поломаны во всех костях,
И четвертованный монах,

Убийцы с головой в руках,
Блудницы с гнилью на устах,
Паяцы с маской на челе
С самоубийцами в петле

Скрипят, ползут в просторный круг
На inferнальный свой досуг.
Их черепа зловонным ртом
Все улыбаются притом.

Откуда музыка звучит?
То сердце бешено стучит
И кости, сложены в стилет
Или в ракушки кастаньет.

Кота заморских дальних стран
Приносит в жертву балаган.
Вот под ударами клыков
Животной жертвы льётся кровь.

И леденящий душу вой
Из чащи слышится лесной.
Труп потрошат и вот багор
Бросает чучело в костёр.

«О, Боже!» - слышен визг девиц
Но их толкают падать ниц
И, руки заломив назад,
Как чаны выставляют зад.

Раввин выходит, рыжий волхв,
И издаёт гортанный зов:
«Приди к нам из глухих лесов,
Из рощ друидов-мудрецов,

Дух ночи, демон Ахербельц!
Прими в дары кошачий зельц.
С рогами выйди из дупла
В личине чёрного козла"!

И вот над сгустком голых спин
Встаёт рогатый исполин,
Звериный, страшный властелин,
Акерра, чёрный букетин.

К нему вся нечисть встала в ряд.
Все исповедаться хотят,
О злых деяньях говорят,
А он их хвалит невпопад.

На двух ногах встал в полный рост,
Рогами достаёт до звёзд,
Копытами о землю бьёт,
Мужским отростышем трясёт.

И говорит как человек:
"Эй, паства, не смыкая век
Жди вновь пришествия Его,
Кто повелитель здесь всего!

Летит сюда под оргий гимн
Хозяин ваш и господин
От взгляда леденеет кровь,
А в голосе живёт любовь".

Вот молнии секут мечом
И с заревом грохочет гром,
Летит на панцирном коне
С гербом пурпурным шевалье.

Кровь жертвы пробуя на вкус,
К нему взывают: «Армилус»!
С коня не сходит пилигрим,
Но все упали перед ним.

Слепит его дорожный плащ,
Павлиний голубой панаш,
Конь с пентаграммой на лбу
Заводит магией толпу.

И голос, дивный, как ручей,
Журчит милее всех речей,
Ввергает слушавших в экстаз,
Мелодией волшебных фраз.

«Кто аурреску танцевал,
Как барчинонский карнавал?
Прими в награду похвалу.
Стань королевой на балу»!

И вот, в конец оторопев,
Среди других прекрасных дев
Встаёт Амаль, потупив взор,
И молвит робко: «Monseigneur».

Навстречу, спешившись, идёт
И деву за руку берёт
Тот рыцарь и его рука
В перчатке латной так крепка.

В топфхелме этот пилигрим.
И свита в капеллинах с ним.
У каждого тяжёлый меч,
Срубить главу способен с плеч

И красный тамплиеров крест,
И чёрный из тевтонских мест –
Рубить готов в доспехах лат,
Как кровоточащий стигмат.

Жжёт мрак за щелью смотровой,
Знобит неведомой тоской.
За ним скопляется гурьбой
Оруженосцев пеший строй.

Их тычут грязные персты
На окситанские кресты,
Что с башни замковой сорвал
На флаге ветер и порвал.

Вот рыцарь говорит сквозь вой:
«Спрячь страх под шёлковой фатой,
Прими, красавица, как дань,
В титане кованную длань.

Я знаю дух мятежный твой.
Он часто говорил со мной
Ночами, полными огня,
В которых ты звала меня.

И вот он я, но прячешь ты
В смущении свои мечты.
Я в вечности искал тебя,
Любви прекрасное дитя,

Ту, что невестою избрав
Совсем не для земных забав,
Я заберу теперь с собой
В печальный чёрный замок мой,

В котором птицы не поют.
Ты мрачный оживишь приют.
С тобою красота, уют
Над ним гнездо своё совьют".

«О, кто ты, ангел моих грёз,
Ночной свидетель горьких слёз,
Которому в глухой тиши
Я поверяла крик души?!

Однажды сердце мне пленил
Огня неведомого пыл
И ныне в робости мой взор
Пред рыцарем крылатых шпор».

«Сегодня празднуют Белтайн,
Ночь Свадьбы и влюблённых тайн,
И хоровод ведёт невест,
Сплетая ленты, майский шест.

Я древний бог густых лесов.
Быть Майским Королём готов,
Но между собранных здесь дев
Не вижу Майских Королев.

Лишь та, которую избрал,
Достойна мой возглавить бал!
Как провансальский трубадур,
Сложу я песнь про Амальюр».

Её украсил лунный свет
И мандрагоры амулет.
Вся нечисть следом в хоровод
За Королевою идёт.

«Прими цветочный мой венок
И все падут у твоих ног.
Здесь безгранична власть моя
До окончанья бытия.

Когда Спаситель был распят,
От римской статуи зачат
Я был для целой тьмы веков
К противоборству двух миров.

Я сын того, кто одинок,
Кого низвергнул в бездну Бог».
Трясётся дева среди теней,
Ведь сам Антихрист перед ней.

4
От сна открылся девы взор.
Исчез и шабаш и костёр
И в ослепительном плаще
Красивый рыцарь на коне.

С прохладой улечучен сон.
Глядит Амаль, со всех сторон
На Монсегюр идут войска.
Осада крепости близка.

Шапели выстроены в ряд,
На солнце отблеском горят.
Кресты нашиты на сюрко
И копы на плечах древком.

Она несётся со всех ног,
Куаф с волос слетел в песок,
И у ворот кричит: «Беда!
Идут каратели сюда.»

Армада копий и щитов,
Плащей с мечами из крестов
Сгустилась, как пчелиный рой,
Ведома папскою буллою.

Её к Спасительной горе
Вёл католический кюре,
А вместе с Церковью король
Призвал воинственную голь.

Понтифик очень любит власть.
С ним алчных клика собралась,
Кто указывает королям,
Где строить Римской Церкви Храм.

Архиепископ Пьер Амьель
Повёл войска на цитадель.
А с ним и Гуго дез Арсес
Из Каркассона копий лес

Привёл сюда, чтоб он тот пог
Замкнуть кольцом осады смог
И гидру ереси попрад,
Взойдя на горный пьедестал.

А в Монсегюре был castrum
С общиной христианских дум.
Лепились домики к скале
На той спасительной горе.

Гора по-баскски есть руген.
И вот защитники со стен
В бойницах заняли места,
Чтоб встретить рыцарей креста.

Осада – это не реннен.
Уж лучше выбрать смерть, чем плен.
Забыты титулы, чины,
Ведь перед смертью все равны.

Общину добрых христиан
Оберегает барбакан.
В нём рыцари с когортой слуг
Округу зорко стерегут.

Они принять решают бой,
Ломают королевский строй.
Болты метает арбалет,
Но камнеёты бьют в ответ.

Вот совершённый встал монах
С мечом молитвы на устах.
В знамение он свёл персты
И крикнул громко с высоты:

«Наш замок вам не приступить!
Вам всех придётся нас убить,
Чтоб глыбою известняка
Владела Папская рука».

Его изношенный гардкорп
От капюшона и до стоп
Из грубой ткани был простой
Подвязан старой бечевой.

Ему ответили под смех:
«Сказал он – убивайте всех!
И не считайте жертв людских,
Бог сможет отличить своих».

Так в осаждённом Монсегюр
Катаркой стала Амальюр.
В общине добрых христиан
Обет был ею девства дан.

Чтоб не сгубила деву страсть,
Неся томление и сласть,
Она от мира отреклась
И Богу в руки отдалась.

Служа невестою Христа,
Она склонялась у креста.
И ангел на её губах
Сиял в молитвенных мольбах.

А крест катаров был другой,
Обёрнут с двух сторон дугой,
Носил солярный смысл он свой,
Служил божественной канвой.

«Вставай, смиренный неофит
В коленопреклоненный вид.
Не бойся о душе своей,
Ведь на Земле здесь тесно ей.

У нас апокрифы свои.
Мы чтим религию любви
И чувствуем земную боль.
В нас падших ангелов юдоль.

Наш символ – крест, вошедший в круг.
То символ Солнца, добрый друг.
А мы – кафары, мы ткачи,
Вплетаем в жизнь его лучи.

И ждём торжественный момент
Крещения – consolament».
Так говорил Бертран Марти
Про все господние пути.

Надел епископ капюшон,
Зовёт Амаль на бастион,
Где, указуя на врагов,
Ей проповедует любовь.

«Вид пропасти с краёв террас
Вселяет ужас, верно, в вас.
Но этот укреплённый форт
Прелат так просто не возьмёт.

Сюда свободный Лангедок
Собрал цвет рыцарства в венок.
Они, лишённые земли,
Изгоями сюда пришли

Вот Аймери де Монтаню,
Одет в тевтонскую броню,
А рыцарь Пон де Мирабель -
Сплошная смотровая щель.

Взамен креста Озиль Морлон
Надел возлюбленной кулон,
Чтоб к ней душа смогла лететь,
Когда придётся умереть.

Здесь нет источника воды,
Но полнят влагою дожди
Цистерну, из которой пьём
И божьей милостью живём.

Вот истинно, кто есть тиран,
Так это папский Латеран,
Кто проповедует обман,
Что Иисус погиб от ран.

Нет ни распятия Христа,
Ни чудотворного Креста.
Лишь Бог, который есть Любовь,
И дьявол, что волнует кровь.

Мужчинам женщины равны.
Проклятье "Евиной вины" -
На них наложенный навет,
Какому много сотен лет.

А Церковь - главный мизогин,
Их обличает для мужчин
И в каждой будущую мать
В грехах готова обвинять:

Природа женщины плоха -
Сосуд порока и греха,
Что тянет в плотскую любовь,
Как в пьянстве погубить готов.

Умами добрых христиан
Века владеет Латеран,
В разврате, роскоши погряз
Уж год без Папы тьмы есть князь!

Плоть человека есть тюрьма.
Томит в нас ангелов она.
Недаром у неё внутри
Из рёбер клетка есть в груди

У человека есть душа.
То ангел, путь земной верша,
Из Рая сброшенный птенец,
Ждёт, чтоб простил его Отец.

У каждого путь к Богу свой.
Нельзя дорогою одной
К Престолу Горнему прийти».
Так говорил Бертран Марти.

«Прапрадед брал Иерусалим
Как крестоносец-пилигрим
И Гроб Господень посещал,
Но понял – Бог не умирал.

Не сам до этого дошёл,
В забытых письменах нашёл.
Один мудрец ему прочёл
И мудрость эту перевёл.

А предок слушал тот рассказ
И записал обрывки фраз:
«Ну, что такое этот Гроб?
Пещера или даже грот.

В нём погребальная скамья,
На ней пытался лечь и я,
Но места очень мало там», -
Рассказывал он сыновьям.

А те потомкам в свой черёд.
Хранит предание мой род».
«А как же Ангела Придел?»
«Да это только вымысел».

«Но там архангел Гавриил
О Воскресенье возвестил!
И камень, страж земных могил,
От двери Гроба отвалил».

«Всё это вымысел, мираж,
Затем придуманная блажь,
Чтоб белый свет нам стал не мил,
Гнёт богачей оправдан был

И чтоб простой народ терпел
Господства Церкви беспредел,
А той веками продолжать
Богатство, почести стяжать.

Для облечённых в Святой Дух
Прочту молитву «Pater» вслух,
Чтоб укрепить их в нищете,
Как символ – «рыба» на щите.

Нет ни Распятъя, ни Креста.
Душа лишь в нас одна чиста.
Христос есть Ангел, знаем мы,
А плоть – исчадьё сатаны.

Не верьте Церкви, в ней порок.
Не в храмах обитает Бог!
Молитвою смиряйте плоть,
Грехи пытаюсь побороть.

Отвергнуть роскошь, праздность, лень,
Трудиться надо каждый день,
Бороть в себе любой изъян –
Вот дело добрых христиан!»

5

Вот Амальюр лежит без сил.
Вновь к ней Антихрист приходил,
Шептал ей ересь, звал с собой,
Пугал расправой роковой,

Высмеивал клерикализм
И лангедокский катаризм,
И ценности все осквернял,
И отречением соблазнял.

«Катары верят в дуализм
И отдают за это жизнь.
А Церковь против них ведёт
Войска в крестовый свой поход.

Их обоюдный фанатизм
В меня вселяет оптимизм.
Они друг друга истребят
И в том виновен Бог, кто свят.

Ведь с именем его на смерть
Они идут и рушат твердь
Его религии пустой,
Жизнь подменяющей мечтой.

Отвергнувших земную жизнь
Катаров сгубит дуализм.
Такой разыгран мной обман
С умами добрых христиан.

Горжусь я паствою своей
Слепых фанатиков идей
Фанатик – деспот и догмат,
Кто исступлением объят.

Там, где фанатик, там тиран,
Идея – идол, истукан.
Мне тирании сладок гнёт.
Всех к моему отцу ведёт».

«Бездомный дух, не мучь меня!
Приливом кровь мою гоня,
Ты оскверняешь в деве храм –
Храм Непорочным Матерям.

Я не Мадонна, но смогла б
Зачать от Бога, родила б
Укрыла бы священный плод
Стеной околородных вод».

«Дитя! Какие твои дни!
Ты бога от меня зачни».
«Какой же это будет бог?
Войны, обмана и тревог?»

«Воюет наш Старик-Отец.
Не навоюется, боец!
А я – бог Лиры и Искусств,
Изысканных Манер и Чувств.»

«И всё ж, прошу, оставь меня!
Пускай, я, жизнь свою кляня,
До срока сгину от хулы,
Но помыслы мои светлы!»

«Наивная, весь этот мир
И ценностей его кумир
Не стоят жизненных утрат
Ни тех, кто грешен, ни – кто свят».

6

Осада. Голод. Героизм
И разрушений катаклизм.
Дней потянулся караван
На Пиренеи лёг туман.

Проходит лето, осень в срок.
Слуга устал точить клинок,
А рыцарь вновь его тупить –
Железом о железо бить.

И вот уж горы в седине,
А нет конца на той войне,
Какую люди двух культур
Ведут за крепость Монсегюр.

Катары новою весной
Обороняют замок свой.
Вот арбалетчик, метя цель,
Раймонда ранил де Перейль.

И даже эта злая весть
Не вызвала в катарах месть.
Не поднял дух им менестрель
И вскоре пала цитадель.

Ворота сокрушил таран.
Трубит победу олифан.
И во врагам открытый форт
Волна насилия течёт.

Безумия поднялся вой.
Монахи, рыцари гурьбой
Смешались в кучу, словно скот,
Друг друга давят у ворот.

Чтоб прекратить земную жизнь
Катары с пропастью слились,
Во тьму ущелья понеслись,
Душою устремляясь ввысь.

И на террасный встав карниз
И Амальюр слетела вниз,
Но не разбилась о скалу.
Куда монах ссыпал золу,

Она упала на настил,
Какой подушкой мягкой был.
И, поднимая сажи дым,
Пропитана вся стала им.

«Bruesche! Смотрите! Бог ты мой!
Упасть с горы и быть живой
Колдунья только б и смогла!» -
По войску пронеслась молва.

И каркассонские стрелки
Над ней накинули селки.
«Смотрите, вся она в золе»!
«Ну, точно ведьма, шевалье!»

«Какие острые клыки!» -
Глядели в зубы ей стрелки.
«Должно быть, по округе всей
Поела маленьких детей!»

Со всех сторон тычки, пинки
И больно бьют плашмя клинки,
И стражник, веря тем стрелкам,
Ударил ведьме по зубам.

«Перелетела на метле!»
«Хватай её! Тащи к кюре!»
«Разоблачит святой отец
Чертовку эту наконец!»

Свидетелей собрался гурт.
И в лагерь ведьму волокут
За волосы, она кричит,
А им всем кажется – рычит.

«Заткнись и прекрати свой рык!
Иначе вырву твой язык!
И посажу тебя на цепь,
Коль будешь, как зверьё, реветь!»

Ей разорвали котарди,
Порвав шнуровку на груди,
Насильно обнажили грудь
И лезли на неё взглянуть.

«Святым угодником клянусь!
Лобзания влекущий бюст!» -
Взгляд крестоносца ликовал.
Безумец выхватил кинжал.

«Эй, Амбруаз сошёл с ума!
Чертовку эту ждёт тюрьма.
Скорей вяжи её Астор,
Отправим ведьму на костёр!»

Вопит маркиза де Лантар.
Сеньоры дом настиг пожар.
Там, где раздета до белья,
Старуха в пламени жилья.

Насилуют, разят мечом,
Не церемонятся с врагом
Захватчики из разных мест,
Кровавый пленным режут крест.

Кюре победу объявил,
Всех крестоносцев наградил,
А каркассонский сенешаль
Сказал им: «Нам потерь не жаль».

Король и Папа будет рад.
С победой поспешим назад.
Катаров всех сожгите тут,
А ведьму повезём на суд.

Разбита секта колдунов.
Добыт значительный улов.
И новый ереси оплот
Зовёт в крестовый нас поход».

Вот так покинуть Монсегюр
Пришлось как ведьме Амальюр.
От крестоносцев короля
Погибла вся её семья.

А Эсклармонда де Перейль
Осталась с матерью своей
И на костёр пошла за ней
Как дочь катарских главарей.

И вот Амаль везут в Париж,
Где нищие взирают с крыш
На казни, и придут смотреть,
Как будет девушка гореть.

А с ней Раймонда де Перейль
Везут в капеллу Сент-Шапель,
Лишив его дворянских прав,
Все замки у него забрав,

Чтоб заключённый, как в тюрьме,
Дал показанья на суде
И, верой ревностно объят,
Монахом стал аристократ.

Платаны ведьму и конвой
Встречают нежною листвою.
Ну а булыжник мостовой
Стучит мотив колёсный свой.

По площади блуждает взор.
Там строится большой собор.
С двух башен в западный фасад
Разносится глухой набат.

Гудят монахи-звонари
В разливе розовой зари
В четырнадцать колоколов.
И шпиль, доставший облаков,

Вонзил дубовую стрелу
В рассвета сумрачную мглу.
Что ждёт басконку в новый день?
Грядущей вечной ночи тень...

7

Над ведьмою назначен суд.
И вот её прево везут
На площадь Гревскую к бальи,
Где эшафоты возвели.

«Ответь нам, падшая из дев,
Как ты смогла, преодолев
Скалы отвесной высоту,
Сберечь и жизнь, и красоту?»

Допытывал церковный клир,
А стражник, инквизитор-сбир
Стоял и ведьму охранял,
Глаз с арестантки не спускал.

Хор обвинений эхом бьёт
В готический нервюрный свод.
Сказал один седой прелат:
«Ищите дьявольский стигмат!

Порой, отметина видна.
Клеймо так ставит сатана -
То бородавку, где срамно,
А то родимое пятно.

Раз, ведьма – дьявола вассал,
Все опалите волоса.
Ей не носить их всё равно.
Но там отыщется клеймо».

Пришли на суд еретиков
Монахи орденских крестов:
Доминиканец-радикал
И францисканец-клерикал,

Бенедиктинец-богослов,
Кто к диспутам всегда готов,
Госпитальер и кармелит,
Цистерцианец-неофит.

Не все из них хотят смотреть,
Как будет девушка гореть,
Но обвинительная речь
Её толкает прямо в печь.

Басконка им ответ даёт,
Своей вины не признаёт
И гордо прямо держит стан
Пред обвиненьем парижан.

Доминиканец-радикал
В хабите белом грозно встал:
«Не галльских грешница кровей.
Отец грешил, прелюбодей!»

«Отец мой был euskaldun».
«Что подтверждает - он колдун!
Не дьявол ли его увлёл
Из Лабурдана в Лангедок?!

Король Людовик заболел.
В его болезни я узрел
Влиянье козней сатаны,
В которых виновата ты!

Смогла на нивы мор навлечь.
Уже за это нужно сжечь!
Нас в девстве убедишь своим?
Консилиум мы соберём».

8

На ночь её везут в тюрьму,
Где страшно слушать тишину.
То крыса пискнет средь камней,
То вздрогнет лязганье цепей.

Но вот под факелом идёт,
Надев нашлемником намёт,
От инквизиции приор,
Бросая воспалённый взор,

Глядит на девичьи черты
Им вожденной красоты
С собой не в силах совладать
В тот час, когда пора всем спать.

«Тебя пытать я прикажу.
Ступни мешками обвяжу
И посажу тебя на кол,
Чтоб в лоно он твоё вошёл,

Потом на дыбе задеру
И всё суставы разорву.
В Италии как Urlo-вой
Название у пытки той.

Могу я собираю приказать
Тебя мучительно пытать.
Пойми, нет выхода тебе.
Признайся лучше в колдовстве.

Я отпущу твои грехи
И ты умрёшь без мук лихих.
Что скажешь?» - он ответа ждал
И взгляд его по ней блуждал.

«Коль не признаешь ты вины,
Мученья будут продлены.
Тебе щипцами вырвут грудь.
Про красоту свою забудь».

«Презренный, а ведь это ты –
Само исчадьё сатаны»!
Девушка, нервно вся трясась,
В истерике забила в грязь.

Приор велит её поднять,
Раздеть и в бочке искупать.
И два угрюмых существа
Смывают чары колдовства.

«А ну, как с дьяволом вдвоём,
Пляши качучу гольшом!
Желаем видеть сей разврат,
Который в мир пускает яд.

Ты обладаешь красотой,
Роскошной, дикой, неземной.
Не Бог тебя ей наградил,
А повелитель тёмных сил.

Я раскусил тебя, раздев!
Отлична ты от наших дев,
Какие молятся Христу,
Тая ущербной красоту.

А ты являешь блажь и страсть.
Твоя магическая власть
Мне мутит разум, будит плоть
Желаньем, что не побороть,

Безумным делая меня.
У ног твоих склоняюсь я
И жду одной твоей любви.
И ты мой пыл благослови!»!

И падре весь истёк слюной,
Прильнув к красотке молодой,
Терзая пленницу в цепях
С блаженством жадным на устах.

Приор пред девой одичал.
Он хрюкал, блял и мычал.
Она ж, насилие терпя,
Качалась молча на цепях.

«Запомни, глупое дитя.
Я исповедовал тебя.
И перед казнью причастил,
Святою влагой окропил.

Коль спросят на суде тебя,
Грехи простил твои, любя,
Всемиловитивейший Господь.
Кровь не прольют на эту плоть.

И примет Бог тебя в Раю
В небесных ангелов семью.
Сожженьем будешь спасена».
В ответ лишь плюнула она.

Приор смешон. Приор взбешён,
Надев монаший капюшон,
Он требует её пытать,
Чтоб обвиненья доказать.

От боли девушка кричит.
Её нога в тисках трещит
Или в испанском сапоге.
Уж не ходить на той ноге.

9

На утро богословский клир,
Собравшись на судилищ пир,
Её осматривать велит,
Находит изменённый вид.

Легаты папских областей,
Прелаты всех монастырей –
Собрался весь церковный мир
И служит мессу смерти клир.

«Чертовка эта не чиста.
Ей пробой смята срамота,
Что указывает, что она –
Колдунья, дьявола жена»!

Амаль вскричала, что приор
Её насиловал, как вор.
Но ей не дали говорить
И заключили – осудить.

«Ты, что такое говоришь!
Приор наш не обидит мышь.
Нет, нам вина твоя ясна.
И господин твой – сатана!»

Постановил церковный суд,
Чтоб с нею был сожжён Талмуд,
В котором видит богослов
Зло иудейских мудрецов.

«Чем нам опасен их Талмуд?
В нём ереси евреи чтут.
Оттуда демон Бафомет
Тень нагоняет в Божий свет.

Нельзя мириться с этим злом.
С колдуньей сжечь одним костром!
На вавилонских письменах
Ей в пепел обратиться, в прах!»

Судили с ней еретиков,
Церковной истины врагов,
Что причислялось к колдовству
И поклоненью естеству.

Им свой устраивал допрос
И задал не один вопрос
Храмовник, рыцарь-ростовщик,
Под капюшоном пряча лик.

«Где спрятал еретик Бонет
Из замка омоньер монет?
Как Пьер Роже де Мирпуа
Снабженца ставил амплуа?»

Бертран де ля Вакалери
Реликвии где берегли?
Что, защищая барбакан,
Там закопал дю Ма Жордан?

Куда сержант Имберт де Салль
С Марсейлем спрятали Грааль?
И как Марти и Агуйе
Служили мессы сатане?»

И вот Амаль на эшафот
Телега старая везёт.
Вокруг беснуется народ,
Со всех сторон её клянёт:

«Крестить колдунью во Христе!
Распните ведьму на кресте!
Пусть эта тварь сгорит в огне!
Она - подстилка Сатане!»

На место казни малефик
Монахи свозят груды книг.
На площади, где всех сожгут,
Средь жертв и еретик Талмуд.

Вязанками вокруг столба,
Как тын поставлены дрова
И эта крепость для неё
Приют, последнее жильё.

Дровами выложен помост.
К столбу прижалась в полный рост.
Ведь распинали и Христа.
И совесть девичья чиста.

Палач под красным скрыт плащом
Лицо скрывает капюшон
И маска, из её глазниц
Взирают тысячи убийц.

Приказ к началу казни дан
С трибуны знатных горожан:
«Костра взметайте вихрь столбом,
Чтоб ведьма растворилась в нём»!

Огня завился красный дух,
Вскочил на брёвна, как петух,
И к пробуждению воззвал,
Умов, чтоб думать начал галл.

Столб застилает чёрный дым.
И Амальюр объята им.
Безумных мук предсмертный вой
Раздался в келье огневой.

Но вдруг с небес в сиянье крыл,
Всю площадь ангел ослепил,
Окутав деву пеленой:
«Летим, страдалица, со мной!

Не будет больше боли, зла.
Всё погребёт в костёр зола.
Развеет прошлой жизни пыль.
Не может душу сжечь горбыль».

Страданье с болью ветер снёс.
Огонь лизал её, как пёс.
И теплотою обдавал,
Не жарил пламени накал.

Так Амальюр в шестнадцать лет
Исполнила мечты обет.
Она в костре не умерла.
Она свободу обрела.